

- Kammerer P.* The Inheritance of Acquired Characteristics / transl. by A. Paul Maerker-Branden. New York: Boni and Liveright, 1924. 420 p.
- Koestler A.* The Case of the Midwife Toad. Boston: Random House, 1973.
- Krementsov N.* Stalinist Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
- Krementsov N.* Trypanosoma cruzi, Cancer and the Cold War // História, Ciências, Saúde — Manguinhos, Rio de Janeiro. 2009. Vol. 16. № 1. P. 75–94.
- Latour B.* Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
- Lysenko T.* O dziedziczności i jej zmienności. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawnictw Rolniczych, 1950.
- Lysenko T.* Genetyka. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawnictw Rolniczych, 1950.
- Ockman J.* Architecture and Culture 1953–1968: A Documentary Anthology. Columbia University Graduate School of Architecture Planning and Preservation, 1993.
- Pollock E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.
- Shank M.H.* Lamarck the Mythical Precursor: A Study of the Relations Between Science and Ideology / transl. Madeleine Barthélemy-Madaule. Massachusetts: MIT Press, 1982.
- Syrkus S.* W sprawie rozwoju twórczości architektonicznej // Architektura. 1949. T. 5/19. P. 154.
- The Situation in Biological Science: Proceedings of the Lenin Academy of Agricultural Sciences of the U.S.S.R., Session: July 31 — August 7, 1948, Verbatim Report. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1949.
- Tomasik W.* In yniiera dusz: Literatura realizmu socjalistycznego w planie propagandy monumentalnej. Wrocław: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, 1999.
- Verdery K.* The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. New York: Columbia University Press, 1998.
- Zirkle C.* The Early History of the Idea of the Inheritance of Acquired Characters and of Pangenesis // Proceedings of the American Philosophical Society. 1946. Vol. 35. № 2. P. 91–151.

Использование мертвых в науках о жизни: танатология лысенкоизма

ВИЛЬЯМ ДЕ ЙОН-ЛАМБЕР

Колумбийский университет, Университет г. Нью-Йорка, США;
wrl4@columbia.edu

Статья посвящена анализу лысенкоизма как явления научной, общественной и политической жизни эпохи холодной войны. Автор предлагает взглянуть на изучаемое явление под новым, достаточно необычным углом зрения. Опираясь на работы известного американского антрополога, специалиста по Центральной и Восточной Европе Кэтрин Вердери, автор ставит вопрос о том, какую роль играли имена и творческое наследие ушедших из жизни ученых и деятелей культуры в утверждении лысенкоизма в науке, а социалистического реализма — в искусстве конца 1940-х — начала 1950-х гг. в странах советского блока, а также в параллельном процессе превращения лысенкоизма в синоним лженауки на Западе в эти же годы. Как полагает автор, сами понятия жизни и смерти, разложения и возрождения, наследственной передачи не только биологических, но и социальных признаков, культурной традиции, проблема смены поколений в науке и политике играли ключевую роль в борьбе противников и сторонников Т. Лысенко. Поэтому углубленный анализ использования этих понятий может существенно продвинуть наше понимание лысенкоизма в целом. С этой целью автор анализирует три эпизода из истории противостояния лысенкоистов и антилысенкоистов.

Ключевые слова: лысенкоизм, Кэтрин Вердери, науки о жизни, покойные ученые.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Опасная профессия¹

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ

London, UK;
zhmedvedev@yahoo.co.uk

Кубанская земля

Наша семья встретила войну в Ростове-на-Дону. Мне было тогда 15 лет. Но уже через три месяца немецкая армия захватила Таганрог, в ста километрах от Ростова. Мы, бросив все, уехали в Тбилиси — город, где я родился. Когда пришла повестка из военкомата, предписывавшая явиться 1 февраля 1943 года с вещами и документами, я еще учился в десятом классе и мне лишь недавно исполнилось 17 лет. В войне уже произошел поворот. Советская армия, освобождая Северный Кавказ, приближалась к Краснодару. Армии срочно требовались пополнения и срок призыва был сдвинут на год вниз и два года вверх.

Молодых новобранцев отправили на обучение в Кутаиси. Здесь за городом была территория резервного полка, в котором шло ускоренное обучение военному делу: стрелять, бросать гранаты, ползать по-пластунски, колоть штыком, бить прикладом, орудовать саперной лопаткой. Я попал в первую маршевую роту нашего призыва, которую отправляли в действующую армию в конце апреля.

Военный эшелон двигался из Кутаиси до Краснодара через Баку и недавно освобожденный Северный Кавказ. На станциях местные жители приносили нам молоко и хлеб, иногда и сало. Из Краснодара на машинах мы доехали к станции Крымской

¹ В настоящем номере мы приводим первую часть воспоминаний Жореса Александровича Медведева, которые он начал писать в прошлом году. К настоящему моменту почти готовы еще три части этих воспоминаний. — Прим.ред.

на Таманском полуострове. Эту станицу освободили лишь неделю назад в боях по прорыву «Голубой линии» немецкой армии, защищавшей подступы к Новороссийску и Керчи. С моря, недалеко от Новороссийска, был высажен десант, потеснивший немцев и создавший плацдарм (знаменитая «Малая Земля»). По плану командования, который был нам объяснен после зачисления в 169-й стрелковый полк 1-й Особого назначения дивизии 56-й армии, наш полк был включен в группу прорыва второго рубежа «Голубой линии» и освобождения станицы Киевской. Для поддержки пехоты была стянута мощная техника, в основном артиллерия, не менее 200 стволов на километр фронта. Пехотным частям, прорвавшись через немецкую оборону, предстояло взять с ходу и следующий рубеж, «на плечах отступающего противника», как говорилось в зачитанном приказе. У немецкой армии на подступах к Новороссийску было много укрепленных узлов.

Военные операции на Таманском полуострове почти неизвестны в западной литературе по истории войны, хотя здесь была нивысшая концентрация войск, по сравнению с другими фронтами. На линии фронта немногим больше 100 км была дислоцирована 17-я немецкая армия, имевшая 16 пехотных дивизий, две танковые и четыре отдельных полка. Из Крыма немецкую армию прикрывали больше тысячи самолетов. Это почти столько же войск и техники, сколько было в армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. С советской стороны на Таманском полуострове действовали три армии, состоявшие из 21 дивизии и пяти отдельных бригад. На линии прорыва в 30 км перед 56-й армией, которой командовал генерал Гречко, в глубокой обороне стояли 5 немецких дивизий.

Прорыв немецкой обороны после мощной артподготовки и ударов с воздуха был сравнительно быстрым. Проволочные заграждения были разметаны по сторонам. В немецких траншеях (они шли в несколько рядов) мы, держа винтовки с примкнутыми штыками наготове, пробегали в основном по трупам немецких солдат. Главной проблемой на подступах к траншеям являлись противопехотные мины. Они были везде, не менее тысячи на каждый километр фронта. Мы приближались к немецким окопам рядами, друг за другом. Тот, кто был впереди, нередко наступал на мину...

За немецкими позициями была уже степь, очень холмистая. Вдали зеленела садами станица Киевская. Но перед ней была заранее построена еще одна линия многослойной немецкой обороны, с колючей проволокой и минными полями. Взять ее с ходу «на плечах отступающего противника» наш полк уже не смог. Противник не отступал, а строчил из пулеметов. Мы залегли и стали окапываться. Мне посчастливилось — поблизости оказалась воронка от бомбы, которую я быстро превратил в глубокий окоп. Стало смеркаться. В темноте приехала и полевая ротная кухня на конной тяге, подвезли хлеб, махорку, сахар и бутылки с водкой. Во время боев каждому бойцу полагались знаменитые «наркомовские сто грамм». Горячей едой (пшенная каша с американской тушенкой) наполняли котелки. Но очередь к ротной кухне выстроилась небольшая. Днем раньше в лесочке перед началом прорыва в полностью укомплектованной роте, которой командовал капитан Петров, было 150 стрелков. К вечеру первого дня боев в строю остались 30 человек. После кухни подвезли боеприпасы. Я взял себе ящик патронов и шесть гранат. Другие бойцы тоже запасались надолго.

На следующий день немцы неожиданно предприняли контратаку. Их генералы знали, что против их линии стоят разреженные части в беспорядочных индивидуальных окопах. Управлять такой обороной трудно. Каждый солдат действует самостоятельно. Главный удар контратаки был направлен на соседний полк. Мы были выше, они внизу, метров 400–500 от наших позиций. Были видны ползущие вдали немецкие танки, около двадцати. Сразу за ними маленькие фигурки солдат. Из штаба полка при-

бежал связной, младший лейтенант, передал приказ — «поддержать соседей огнем». После этого он не вернулся в штабной блиндаж, а спрыгнул в мой окоп, у меня было достаточно места на двоих. Прицельный огонь по бегущим немецким солдатам на таком расстоянии был невозможен. Но я стрелял в направлении танков, быстро меняя обойму за обоймой. Патронов было много. Младший лейтенант вдруг попросил «дай пострелять». Я отдал ему винтовку и присел отдохнуть. Он высунулся, прицелился, но выстрелить не успел. Раздался какой-то булькающий звук и мой сосед стал сползать вниз. Он был мертв, пуля пробита ему шею. Прежде чем встать, я высунул на штыке наружу свою каску. Дзинь! — каска пробита навывлет. Советские каски были слишком тонкими. Они защищали лишь от осколков мин и гранат. Где-то недалеко наши позиции уже держал под прицелом немецкий снайпер.

Контратака противника была отбита. Индивидуальные окопы не дают возможности маневра, но из них в открытой степи никто не побежит. Нужно биться до конца. На поле боя остались три немецких танка. Ночью бойцов соседнего полка отвели в тыл, заменив резервным батальоном. Многих выносили на носилках.

Биология, медицина или агрономия?

В январе 1944 года я приехал из Ростова-на-Дону в Москву с намерением поступить на биологический факультет МГУ. Приема студентов зимой нет, но у меня не было другого выхода. В декабре 1943 года раздробленные пулей на Таманском фронте кости стопы срослись достаточно прочно, что позволило мне сменить костыли на палочку. После ранения я побывал в трех военных госпиталях, сначала в Краснодаре, затем в Баку и потом в Тбилиси, моем родном городе. С Таманского фронта летом 1943 года шел столь большой поток раненых, что все госпитали в Закавказье были переполнены. Оказаться вдруг в Тбилиси было большой удачей. Мама ничего не знала о моей судьбе почти три месяца. Брат Рой был на военной службе в тыловых частях. Как демобилизованный из армии по инвалидности я имел теперь право вернуться в Ростов, который был освобожден весной 1943 года. Действовали указы, которые гарантировали возвратившимся в освобожденные города право на жилплощадь.

Ростов-на-Дону, который был дважды оккупирован, осенью 1941 и летом 1942-го, подвергался сильным бомбардировкам. Но пятиэтажный дом № 78 на Пушкинской улице, в котором находилась наша двухкомнатная квартира, стоял невредимым. Квартира эта принадлежала тете Наде с бабушкой. Мы переехали к ним после ареста в Москве нашего отца Александра Романовича, профессора военной академии. Он был осужден как «бухаринец» и умер в марте 1941 года в одном из лагерей Магаданской области. Отец был очень сильным мужчиной и физически закалял и нас с братом с раннего детства. Но работу на медных рудниках на Колыме не выдержал и он. В нашей ростовской квартире жили теперь сразу три семьи, переселенные из разрушенных домов.хлопотать о ее возвращении не имело смысла. Никаких принадлежавших нам вещей там уже не было. Пропала и большая библиотека отца, которой мы дорожили больше всего.

Моя двоюродная тетья, хорошо известный в Ростове зубной врач с собственным кабинетом на проспекте Буденного, не уехавшая из города, была расстреляна вместе с мужем при ликвидации немцами всех ростовских евреев. (Вторичная оккупация Ростова произошла 24 июля 1942 г. Но уже 11–12 августа все оставшиеся в городе евреи, около 15 тысяч

человек, включая детей, были расстреляны в Змиевской балке за городом.) Мы убеждали тетю уехать, но она не хотела все бросать, надеясь на свою русскую фамилию «Сахарова» и на то, что хорошие зубные врачи нужны при любом режиме. Своих детей у нее не было. В ее замечательную квартиру вселился при оккупации офицер Гестапо. Теперь там тоже жили несколько семей.

В Ростове я прожил около недели. Мне дала приют мать школьного друга Кости Рагозина, который воевал где-то в Белоруссии. Его отец «пропал без вести» летом 1942 года на подступах к Сталинграду. Делать в городе мне было нечего, и я пошел на вокзал, чтобы ехать в Москву. В то время в каждом пассажирском поезде был вагон «для раненых», в который одетым в солдатскую шинель позволялось садиться без билетов. Ехали в большой тесноте. Четверть пассажиров вагона составляли тяжелые случаи, нередко без ног. Таких сопровождали санитары или медсестры. В дороге на станциях для возвращавшихся из госпиталей демобилизованных были особые столовые. Прямого сообщения между Ростовом и Москвой еще не наладили, и поезд проезжал через руины Сталинграда, а в Москве я оказался лишь через шесть дней.

Декан биофака принял меня приветливо и был готов зачислить кандидатом в студенты для начала учебы в октябре. Инвалидов войны принимали в то время в вузы вне конкурса и без вступительных экзаменов. Студентов-мужчин было очень мало. Но университет, только недавно вернувшийся из эвакуации в Казань, не имел еще общежития для студентов. Во втором медицинском институте были те же проблемы с общежитием. Директора института явно удивила моя эрудиция в проблемах медицины (основанная на книгах Мечникова, Поля де Круи и Богомольца, прочитанных еще в Ростове). Он был готов принять меня в студенты сразу, но лишь на санитарный факультет: «Вы пропустили анатомию человека, без нее на лечебном факультете делать нечего. Нужно ждать до осени».

В Москве я жил уже пять дней, ночуя либо на Казанском, либо на Ленинградском вокзалах. При карточной системе на продукты питания купить какую-то еду можно было лишь на вокзалах в буфетах отдельных залов для военных и демобилизованных. Кое-где были и столовые для раненых. Сотни тысяч инвалидов войны, выписанных из госпиталей, путешествовали по стране, не имея возможности вернуться домой. Власти просто не знали, что с ними делать, и вокзалы стали для них общежитиями. Их родные города и деревни были сильно, а часто и полностью разрушены, либо не освобождены. В январе 1944 года Крым и Одесса были еще оккупированы немецкой армией, бои шли за Кривой Рог. Только в это время произошел разгром немецких армий, окружавших Ленинград, а всю Белоруссию, Прибалтику и Молдавию еще предстояло освободить.

В Петровско-Разумовское, где раскинулись на большой территории красивые учебные корпуса, общежития, опытные поля, пруды и лес Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (ТСХА), я приехал на пригородном поезде с Ленинградского вокзала. Декан агрономического факультета профессор Николай Александрович Майсуриан оказался моим земляком, он родился и окончил университет в Тбилиси. Я снова получил предложение стать кандидатом в студенты. Но здесь до начала нового учебного года мне предложили работу и общежитие. Работа была простая, но опасная — промывать концентрированной соляной кислотой белый кварцевый песок, чтобы освободить его от всех минеральных солей. Этот песок отмывали затем и от соляной кислоты простой и дистиллированной водой, и тоннами использовали для агрохимических и физиологических опытов с разными комбинациями удобрений. В подвале, где стояли промывные баки, приходилось надевать противогаз. Весной, как

Ж. Медведев в 1946 году

рабочему опытной станции, мне предложили две сотки уже распаханного поля учхоза «Отрадное» под огород, так что в октябре, когда я наконец стал студентом, под моей кроватью в общежитии лежали два больших мешка с картошкой.

Трофим Денисович Лысенко

Мои интересы в области проблемы старения сложились еще тогда, когда мне было 15–16 лет. Зимой 1942 года я часами просиживал в публичной библиотеке Тбилиси, конспектируя монографию А.В. Нагорного «Проблема старения и долголетия», изданную в Харькове в 1940 году тиражом всего в 400 экз. В Сельскохозяйственной академии тоже имелись кафедры зоологии, ботаники, химии и физико-химии, физиологии и биохимии. То, что тут это применялось к растениям и животным, а не к человеку, не имело большого значения.

Растения и животные тоже стареют, хотя и неодинаково. Для животных необходимость старения тела достаточно логично объясняла теория Вейсмана о смертности сомы и бессмертии зародышевой плазмы. Но у растений явно не было отдельного от сомы зародышевого пути, они способны к неограниченному вегетативному размножению. Из соматических клеток можно получить новое растение. Растения размножаются клубнями, черенками, корневыми отводками. Точка роста стебля, состоящая из быстро делящихся вегетативных клеток, которые образовывали листья, неожиданно — весной, летом или в теплых краях осенью, а иногда и через год, — вдруг начинала формировать цветок с полным набором мужских и женских репродуктивных органов. Первая теория, которая сформировалась у меня, пыталась объяснить именно эту загадку. Я предположил, что в точках роста растений среди в основном соматических клеток есть и потенциально зародышевые. Соматические клетки, замедляя свои деления из-за старения, постепенно замещаются зародышевыми, и именно поэтому точка роста начинает

формировать не листья, а цветков с половыми органами. Иногда это замедление делений соматических клеток может вызываться холодной температурой, как у озимых растений. Иногда сменой фотопериодов от весны к лету.

Моя теория в чем-то дополняла теорию стадийного развития растений, прославившую Трофима Лысенко еще в 1929 году, когда он впервые на практике смог довести озимую пшеницу до репродукции при весеннем посеве, продержав проросшее зерно две недели под талым снегом. Я изложил свою теорию на пяти страницах рукописи каллиграфическим почерком и послал в апреле 1945 года по почте один экземпляр академику Лысенко, президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), а другой передал заведующему кафедрой ботаники нашей академии профессору Петру Михайловичу Жуковскому, яркие лекции которого для нас, студентов первого курса, были наиболее увлекательными. Недели через две я получил ответ в конверте ВАСХНИЛ. Письмо от Лысенко было коротким:

«Уважаемый Жорес Александрович! Ваши идеи кажутся мне интересными. Будете в Москве — заходите. Академик Т.Д. Лысенко».

Академия сельскохозяйственных наук в Большом Харитоньевском переулке в центре Москвы занимала здание старинного дворца князей Юсуповых. Табличка сбоку от входа извещала, что это памятник архитектуры XVII века, охраняемый государством. В обширной приемной перед дверью кабинета президента уже сидело около 30 человек, многие явно приехали издалека и из деревень. Приезжавших встречали секретарша и помощник, спрашивая о причинах визита. Я показал помощнику письмо. Лысенко начинал прием в 11.00. Нам объяснили, что академик принимает не по очереди, а всех сразу. Он будет беседовать сперва с агрономом, который приехал из Сибири. Но мы будем сидеть в кабинете и можем задавать вопросы и делать реплики. Нередко, как нам сказали, люди приходят к академику с одними и теми же проблемами. Нет никаких ограничений на записи. Интересные мысли часто приходят академику именно в ходе таких бесед.

Точно в 11.00 посетители стали входить в большой кабинет президента. Лысенко уже сидел за своим огромным столом, он вошел через отдельную дверь. Кабинеты крупных советских администраторов всегда состояли из двух комнат: одна большая, для приемов, вторая «личная», с диван-кроватью для отдыха, буфетом и санузелом. Стол Лысенко был завален сельхозпродукцией — несколько снопов пшеницы и ржи, крупные картофелины, початки кукурузы. Большие снопы пшеницы, привезенные из разных концов страны, стояли возле стен, недалеко от письменного стола. Стулья для посетителей располагались вдоль боковых стен. Книжных шкафов, которые всегда встречались вдоль стен кабинетов деканов, директоров и профессоров, не было видно.

«Садитесь, — обратился к нам Лысенко, неожиданно громким, но очень хриплым голосом, — я буду говорить с агрономом из Омской области (он назвал фамилию). У него вопрос по поводу посевов озимой пшеницы по стерне».

В 1943—1944 годах посевы озимой пшеницы по стерне в Сибири по методу Лысенко, то есть по необработанному, не вспаханному полю, были главной темой дискуссий в сельскохозяйственных кругах. В 1942 году наступление немецкой армии на Северный Кавказ и на Сталинград началось лишь в конце июля, когда уборка урожая озимой пшеницы была уже завершена. Большую часть зерна успели вывезти в Закавказье и за Волгу. Но посев озимой пшеницы для урожая 1943 года проводить было негде. В Сибири озимую пшеницу не сеяли, она вымерзала. Лысенко предложил сеять озимую пшеницу в Омской и Новосибирской областях по стерне от убранной яровой, то есть по невспаханым полям. По его теории, проверять которую не было времени, зимняя гибель

ростков происходит не от самих морозов, а от образования кристаллов льда и уплотнения и перемещений замерзающей рыхлой земли, разрывающих узел кущения злаков и корни, находящиеся под землей. В плотной не вспаханной земле таких разрывов не будет и ростки не погибнут. Если узел кущения цел, растения регенерируют весной боковые почки и все побеги. Стерневая шетина, остающаяся от скошенного урожая, лучше сохранит снег, защищая почву. В августе-сентябре 1942 года в Челябинской, Новосибирской и Омской областях были посеяны по стерне сотни тысяч гектаров. Результаты были противоречивыми. В одних колхозах был урожай, в других посевы вымерзли.

Агроном из Сибири был из тех, у кого урожай пострадал. Собрали сколько и посеяли. Начался спор. Сидевшие вдоль стен активно в нем участвовали. Около часа дня в кабинет вошли официантки с подносами, раздавая сидевшим посетителям крепкий чай в стаканах с серебряными подстаканниками и большие бутерброды с красной икрой и с семгой. Это было приятным сюрпризом. К трем часам дня прием закончился. Лысенко сказал, что его ждут на совещании в Кремле. До обсуждения моей теории дело не дошло. Но я возвращался в общежитие вполне удовлетворенным.

Петр Михайлович Жуковский

Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным ученым нашей академии. Он был академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии и автором считавшегося лучшим учебника ботаники. В экспедициях в Малую Азию, Сирию, Месопотамию он собрал тысячи образцов культурных растений, написал книгу «Земледельческая Турция» и открыл в Закавказье новый вид ранее неизвестной пшеницы, уникальной по своему высокому иммунитету к грибным болезням. Этот вид пшеницы, названный Жуковским в честь своего учителя Тимофеева *Triticum timopheev Zhuk.*, использовался для скрещиваний селекционерами пшениц во многих странах для усиления иммунитета у выводимых ими сортов.

Жуковскому не требовалось отвечать на мое письмо. Ботаника была одним из главных предметов первого курса и каждую неделю наша учебная группа приходила на кафедру ботаники в учебный корпус №17 для практических занятий. Из двадцати членов группы я был единственным мужчиной, и Жуковский меня уже знал. После очередного семинара мне сказали, что Петр Михайлович ждет меня в своем кабинете. Жуковский встретил меня приветливо, даже сердечно. Лаборантка принесла нам чай и бутерброды с сыром. Жуковский похвалил мой почерк и стиль. «Ваша рукопись написана хорошим научным языком». Распросил немного биографию. «Мой сын Алешка сейчас тоже на фронте, уже в Германии, надеюсь, что он не погиб» (в это время, в конце апреля, шли бои уже за Берлин). «Давайте вместе проверять

П.М. Жуковский

вашу теорию. У нас на кафедре есть лаборатория эмбриологии и цитологии растений. Мы дадим вам хороший микроскоп. Но нужно еще многому научиться...» На следующий день я пришел в лабораторию. Ею руководила опытный цитолог Анаида Иосифовна Атабекова, доцент. Как оказалось, она была женой декана Майсурияна и тоже родилась в Тбилиси.

Через две недели закончилась война. Сын Жуковского Алеша не погиб, и через год я с ним познакомился. А вот мой ростовский друг Костя Рагозин был убит в уличных боях в Берлине. Об этом я узнал от его матери при новом посещении Ростова-на-Дону в 1946 году.

Никитский ботанический сад

Я учился и работал очень интенсивно. Из Германии по репарациям в конце 1945 года в ТСХА привезли новейшее микроскопическое оборудование и лабораторную посуду. Я освоил работу на микротоме, научился окрашивать срезы с точек роста растений, делать микрофотографии. В Германии еще в 1939 году было опубликовано исследование, показавшее, что у водорослей мужские и женские клетки содержат разные наборы каротиноидных пигментов. Эти пигменты почти всегда присутствуют в пестиках и в рыльцах цветков растений. Жуковский поручил мне собрать по этому вопросу всю возможную литературу на английском. Он сам свободно владел немецким и французским, но не английским. Я сделал для него переводы с английского большого числа публикаций, и в начале 1948 года он подготовил под двумя нашими фамилиями обзор «Значение световой энергии и каротиноидов для развития бесполого и полового поколений в растительном мире», который был вскоре опубликован в журнале «Успехи современной биологии»².

Весной этого же года Жуковский предложил мне командировку в Государственный Никитский ботанический сад в Крыму для экспериментального изучения состава каротиноидных пигментов в мужских и женских органах растений. Мне нужно было досрочно сдать зачеты и экзамены за четвертый курс, чтобы выехать в Крым как можно раньше, ведь большинство растений цветут весной. По теории Жуковского некоторые продукты обмена каротиноидов могли играть роль растительных половых гормонов. У растений существует большее разнообразие форм половой репродукции, чем у животных, и гормональная регуляция этих процессов была мало изучена. Мне предстояло освоить методику разделения желтых пигментов растений распределительной и разделительной хроматографией и изучить состав этих пигментов в репродуктивных органах некоторых видов растений, имеющих крупные тычинки и пестики ярко-желтого цвета.

Лаборатория биохимии Никитского ботанического сада, расположенного недалеко от Ялты, имела отличное оборудование, привезенное из Германии по репарациям и обширный набор химических реактивов. Заведующий лабораторией профессор Василий Иванович Нилов был другом Жуковского. Никитский ботанический сад, основанный как императорский в начале XIX века³, имел богатую коллекцию южных

² Жуковский П.М., Медведев Ж.А. Значение световой энергии и каротиноидов для развития бесполого и полового поколений в растительном мире // Успехи современной биологии. 1948. Т. 26. Вып. 4. С. 501–514.

³ Название сада происходило от села Никитского на склоне выше площадки, выбранной ботаниками.

и субтропических растений. Я приехал сюда в середине апреля и быстро приступил к работе. Главной проблемой для всего побережья Крыма была, однако, вода. В период оккупации Крыма немцами в 1941–1944 годах на склонах гор вырубили все леса, что было сделано как мера борьбы с партизанами. В лесах прятались остатки нескольких дивизий Красной армии, отрезанных быстрым немецким наступлением летом 1941 года и немалое число участников многомесячной обороны Севастополя. Боеприпасы и продовольствие им сбрасывали с самолетов.

При отсутствии лесов на склонах гор вода дождей не питала родники, дававшие в прошлом водопродонную воду Ялте, а смывала почву склонов в море. После каждого дождя море становилось коричневым на 2–3 км. Сильно страдал и Никитский ботанический сад, многие редкие растения которого требовали полива. Питьевую воду для жителей Ялты и всего побережья привозили по морю танкерами. На одном из холмов возле Никитского сада был охраняемый лагерь немецких военнопленных, около 200 солдат. Они занимались работами по созданию на склонах плоских террас и водосборных сооружений, чтобы уменьшить смыв почвы в море и накапливать воду для поливов. Война все еще напоминала о себе. Недалеко от Никитского сада по приморской «пушкинской» тропинке в Гурзуф стоял небольшой монумент с надписью: «На этом месте 17–18 декабря 1942 года были расстреляны немецкими оккупантами более пяти тысяч советских граждан — жителей Ялты». Я понимал, что это были ялтинские евреи, мужчины, женщины и дети.

Моя работа была увлекательной. Каждый день утром я плавал в море. Жил в отдельной комнате дома приезжих ученых. Получал даже небольшую зарплату, в дополнение к студенческой стипендии и пенсии инвалида III группы, которую мне еще сохраняли, хотя я мог уже и бегать. Была директива правительства — выплачивать пенсии ветеранам-студентам, независимо от состояния их здоровья.

Эта идиллия была нарушена 1 августа, когда в «Правде» и во всех других центральных газетах был на нескольких страницах опубликован обширный доклад академика Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке», сделанный на сессии ВАСХНИЛ, открывшейся 31 июля.

Августовский переворот

Излагать здесь содержание доклада Лысенко нет необходимости. В истории СССР не было прецедентов, чтобы научные доклады ученых любого ранга публиковались в таком формате и одновременно во всех центральных газетах. Такое было возможно лишь для отчетных или директивных докладов на пленумах или съездах ВКП(б). Это означало, что доклад Лысенко был директивный, одобренный Политбюро и лично Сталиным и что рекомендации доклада будут незамедлительно внедряться всеми административными и политическими методами. Между тем основные положения доклада Лысенко были примитивнейшей псевдонаукой, которая возвращала биологию и все связанные с ней дисциплины на 150 лет назад к теориям Ламарка о наследовании благоприятных признаков. В СССР отменялись или запрещались как реакционные, буржуазные и идеалистические сразу несколько важнейших дисциплин, прежде всего генетика с ее хромосомной теорией наследственности, теории генов, мутаций и многое другое. Запрещалась как реакционная наука медицинская генетика. Австрийский

монах Мендель просто ошибался, формулируя «гороховые законы», Вейсман со своей теорией зародышевой плазмы был реакционным идеалистом, а хромосомная теория наследственности Моргана служила интересам американских расистов.

В прениях по докладу Лысенко Жуковский выступил с наиболее резкой критикой, защищая в основном хромосомную теорию наследственности и приводя яркие примеры (постоянство числа хромосом у каждого вида, редукционное деление хромосом при формировании гамет, связь мутаций с изменениями в хромосомах и другие). Но на заключительном заседании сессии 6 августа, после того как Лысенко информировал участников о том, что его доклад был одобрен Центральным Комитетом ВКП(б), Жуковский снова взял слово и объявил о том, что он понял свои ошибки и заблуждения и будет в дальнейшем работать для развития «мичуринской биологии». Двое других ученых, в прошлом критиковавших Лысенко, также публично «раскаились».

Для меня Августовская сессия ВАСХНИЛ напоминала февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) в 1937 году, решения которого стали началом террора 1937–1938 годов. Репрессии принесли СССР колоссальный политический, экономический и моральный ущерб и лишили страну наиболее способных людей, в том числе военачальников и ученых. Тот террор сделал Сталина абсолютным диктатором. Августовская сессия делала Лысенко диктатором в биологических и сельскохозяйственных науках. Для всей страны такой поворот был катастрофой. Он сильно ослаблял авторитет и позиции самого Сталина как мирового лидера. В руководстве страны явно шла какая-то политическая борьба, мишенью которой был Андрей Жданов, секретарь ЦК и главный идеолог страны, второй по партийному рангу после Сталина. Жданов по линии Политбюро поддерживал критику Лысенко. Юрий Жданов, сын Андрея Жданова и муж дочери Сталина Светланы, был в это время заведующим отделом науки ЦК ВКП(б). Юрий Жданов в марте 1948 года выступил с докладом на совещании пропагандистов, характеризуя идеи Лысенко как псевдонаучные. Теперь «Правда» напечатала письмо Юрия Жданова Сталину, в котором он признавал свои ошибки. Покаяния Жуковского и Юрия Жданова были частью сценария. Им «разрешили» покаяться, и это означало, что их не будут трогать в намечавшемся общем погроме. Я сознавал, что переворот в науке не мог осуществляться без каких-то корней в партийно-государственном руководстве. Было очевидно, что следует ожидать достаточно массовых репрессий не только среди биологов. Но понять всю картину ближайшего будущего я еще не мог.

Много лет спустя я узнал, что Андрей Жданов, бывший партийным лидером Ленинграда, не давал согласия на арест академика Николая Ивановича Вавилова, директора ВИРа, который готовился еще в 1937 году. Жданов относился к Вавилу с большим уважением. Арест Вавилова был поэтому произведен 6 августа 1940 года во время экспедиции Вавилова в Западную Украину. «Постановление на арест», найденное в архиве и подписанное старшим лейтенантом госбезопасности Рузиным, по стилю и содержанию было явно лишь проектом, готовым с конца 1937 года, оно датируется 5 августа. Его утвердил 6 августа 1940 года Лаврентий Берия. Санкция прокурора датирована 7 августа⁴. Вавилов был арестован в поле недалеко от Черновиц в Львовской области. Спецгруппа для ареста прибыла из Москвы. Самолет мог приземлиться только в Киеве.

⁴ Вавилов Ю. В Долгом Поиске: Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. Сборник документов и воспоминаний. М.: Изд-во ФИАН, 2008. С. 122–128. (Это редкое издание, напечатанное на средства автора тиражом 500 экз.).

Совершенно очевидно, что арест Вавилова осуществлялся на основании устных приказов, отданных 3 или 4 августа, и все письменные документы подписывались после телефонных сообщений спецгруппы. В Ленинграде об аресте Вавилова узнали лишь через несколько дней от членов вернувшейся экспедиции. В начале блокады Ленинграда, в конце 1941 — начале 1942 года, Жданов принимал многие решения самостоятельно, не согласовывая их со Сталиным.

10 или 11 августа в Никитский ботанический сад неожиданно приехал Петр Михайлович Жуковский. Ему требовался отдых. Никитский сад имел статус института в системе ВАСХНИЛ. Жуковский, как единственный академик-ботаник, представлял в академии научные интересы сада и рецензировал его отчеты и планы. В том же доме приезжих ученых ему была выделена лучшая комната с верандой и видом на море. Мы встретились как старые друзья. Он меня обнял, на глазах у него были слезы. «Я заключил с Лысенко Брестский мир... Поганный мир... Я сделал это ради моих учеников».

Другая академия

Когда я вернулся в Москву в конце сентября, Тимирязевская академия была уже другой. Ректор академии, крупный экономист-аграрник, академик В.С. Немчинов был смещен. Новым ректором академии стал В.Н. Столетов, кандидат биологических наук, давний сотрудник Лысенко. Был снят заведующий кафедрой генетики и селекции растений академик А.Р. Жебрак, и эту кафедру возглавил сам Лысенко, которому предстояло теперь читать курс «мичуринской генетики» прежде всего студентам пятого курса, которые раньше учились «морганизму-менделизму». Были смещены два декана и много других преподавателей. На кафедре ботаники уволили доцента А.И. Атабекову. Жуковский сохранил свой пост, но на кафедру к нему назначили без его согласия «аспиранта», который был демобилизован из какого-то спецподразделения. Жуковский сразу понял, что это осведомитель из МГБ и менял тему разговора, если в лабораторию входил «аспирант».

Новый аспирант получил от Жуковского «мичуринскую» тему: ему предстояло изучить возможность переноса иммунитета к грибкам с помощью вегетативной гибридизации (он работал очень много, сделал сотни прививок, но успеха не добился). Новый ректор Столетов приказами менял темы исследований аспирантов. Мой друг Вася Земский, также инвалид войны с протезом руки, начавший при кафедре физиологии растений тему по гормонам роста, получил новую тему по физиологии «ветвистой пшеницы», полудикого вида с низким процентом белка, с помощью которого Лысенко обещал удвоить урожай. В особых условиях и при очень разреженных посевах колос у этой пшеницы ветвился и превращался в гроздь, производя впечатление на людей, незнакомых с ботаникой пшениц.

В новых условиях у меня было мало шансов остаться в аспирантуре для получения научной степени. Студенты, кончавшие академию, проходили так называемое «распределение» по спискам вакансий в колхозах и совхозах, которые вывешивались в деканате. Свободное трудоустройство дипломированных специалистов не практиковалось. Направление в аспирантуру требовало особых характеристик и рекомендаций. Работать по «мичуринским» темам я не мог. У меня возник другой план. Прежде всего, я решил продлить срок своего обучения на год и кончать не в 1949, а в 1950 году. Для

этого я осуществил перевод из агрономического факультета на факультет агрохимии и почвоведения. Декан Н.А. Майсурия, сохранивший свой пост ценой покаяния и обещания перейти на «мичуринские» позиции, помог мне и в этот раз. На новом факультете мне предстояло изучать несколько новых полезных для агрохимика дисциплин, и поэтому я оставался на том же четвертом курсе. У меня впереди были теперь два года учебы, а не один. За эти два года можно подготовить не только дипломную работу, но и написать диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук и сдать кандидатские экзамены. Я уже имел две публикации в научных журналах, и три статьи по каротиноидам растений находились «в печати» в «Докладах Академии наук СССР» (они были опубликованы в 1949 г.).

В новом корпусе общежития факультета агрохимии и почвоведения моими соседями по комнате были старые друзья Коля Панов и Борис Плешков, оба инвалиды войны. Панов был ранен в ногу в Сталинграде. Борис Плешков, поступивший в академию в 1945 году, был контужен при взрыве снаряда в Чехословакии. В соседней комнате жили четыре студентки. Одной из них была Рита Бузина, моя будущая жена.

Политическое положение в стране между тем мрачнело каждый месяц. Андрей Жданов умер от инфаркта в конце августа. Главным идеологом ВКП(б) стал Георгий Маленков, консерватор, антисемит и покровитель Лысенко. Начались гонения на Вячеслава Молотова, второго после Сталина человека в правительстве. В январе 1949 года была арестована жена Молотова Полина Жемчужина, обвиненная в сионизме (она была еврейкой). Теперь «наследником» Сталина становился Маленков, союз и дружба которого с Лаврентием Берией не сулили ничего хорошего. Николай Вознесенский, молодой член Политбюро, способный экономист и организатор, первый заместитель Сталина в правительстве, вдруг тайно «исчез» без всяких объяснений (1 мая 1949 г. его портрета не оказалось среди портретов членов Политбюро, которые вывешивались в центре Москвы). Как выяснилось позднее, он был арестован в начале 1949 года по «ленинградскому делу», о котором знали лишь в Ленинграде, и тайно расстрелян вместе со своим братом и ленинградскими партийными лидерами⁵. Смертная казнь была отменена в СССР в 1947 году в честь 30-летия Октябрьской революции. 12 января 1950 года производится восстановление смертной казни (по отношению к изменникам родины, шпионам и диверсантам).

Шли аресты и в Ленинградском университете, где в то время учился на философском факультете мой брат Рой. О событиях в Ленинграде я узнавал от него и очень беспокоился о его судьбе. В Ленинграде жила и сестра отца Тося, пережившая блокаду города. В Москве также арестовывали в связи с «Ленинградским делом» крупных чиновников в правительстве РСФСР. Суды были закрытыми, и приговор приводился в исполнение немедленно. Расстрелянных кремировали и тайно хоронили. Террор начался, но шел по секретному сценарию, без открытых судов и обвинений. Причина нового террора казалась мне очевидной, но я ни с кем не делился своими предположениями. Сталин на долгом торжественном юбилейном заседании в Большом театре по случаю своего 70-летия 21 декабря 1949 года выглядел больным, был неподвижен и не промолвил ни одного слова. Он не мог встать с кресла и подойти к микрофону. Но он готовил себе на смену людей, которые не станут заниматься разоблачениями преступлений Сталина и террора прошлых лет. Для этого руки возможных наследников обагрятся теперь свежей кровью.

⁵ Председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов, секретарь Ленинградского обкома П.С. Попков и другие. В Ленинграде были арестованы около двух тысяч человек.

Кандидат биологических наук

На летнюю практику в 1949 году я остался в Москве. Анализы можно было проводить на кафедре агрохимии и биохимии растений, которая также располагалась в 17-м корпусе, в его старой части. В подвале этого же здания я в 1944 году промыл соляной кислотой песок именно для сотрудников кафедры агрохимии, ставивших опыты в вегетационном домике за корпусом. В то время еще был жив академик Д.Н. Прянишников, ученик К.А. Тимирязева и учитель Н.И. Вавилова, самый в то время знаменитый ученый Академии и основатель советской агрохимии. Он имел звание Героя Социалистического Труда и много других наград. Его настойчивость в создании в СССР нескольких заводов по производству химических удобрений, особенно азотнокислого аммония и калийной селитры, была оценена во время войны (эти заводы быстро переоборудовали на производство пороха и взрывчатых веществ). Прянишников умер весной 1948 года в возрасте 83 лет. Профессоров кафедры агрохимии «оргмеры» 1948 года не коснулись, хотя Прянишников был известным противником Лысенко. Причины их «неприкасаемости» я вскоре понял. В одной из лабораторий кафедры агрохимии, имевший отдельный вход с улицы и считавшейся «секретной» (здесь изучалось действие на растения радиации), работала уже почти десять лет Нина Теймуразовна Берия, кандидат сельскохозяйственных наук и жена Лаврентия Павловича. Она была ученицей Прянишникова. Ее обычно привозила к подъезду лаборатории «Победа» с шофером. В штате сотрудников кафедры она числилась под своей девичьей фамилией Гегечкори. На семинары на кафедре и конференции на факультете она не приходила (я с нею случайно познакомился в 1952 году в кабинете заведующего кафедрой профессора А.Г. Шестакова).

В небольшом ботаническом саду кафедры ботаники я начал опыты по изучению биохимических различий мужских и женских экземпляров конопли *Cannabis sativa*. Это двудомное (раздельнополое) растение. Я старался биохимическими и физико-химическими методами определить, существует ли в этом случае какой-либо диморфизм пыльцы и можно ли установить, какие пыльцевые зерна являются «мужскими» и какие «женскими». У некоторых двудомных растений мужские и женские пыльцевые зерна различаются по величине. У конопли они имели одинаковый размер. Однако при некоторых видах окрашивания с изменением цвета, в зависимости от небольших сдвигов кислотности (рН), мне удалось обнаружить диморфизм пыльцы конопли⁶.

Осенью 1949 года я начал готовить свою диссертацию. Работал в основном в библиотеке академии. Нередко приходилось ездить для работы в Государственную публичную библиотеку СССР им. В.И. Ленина. В ней был более широкий выбор журналов по биохимии и физиологии растений.

К концу февраля 1950 года работа была закончена. Заглавие диссертации «Физиологическая природа формирования половых признаков у высших растений» давало простор для теоретических обобщений. Последняя глава диссертации, опыты 1949 года с коноплей, могла также служить и как дипломная работа. Диссертации в то время имели обычно 200–250 страниц, дипломные работы 40–50 страниц. Никто, даже Жуковский, не знал о моих планах. Случаев представления диссертаций студентами

⁶ Медведев Ж.А. Физико-химический диморфизм пыльцы двудомных растений // Доклады Академии Наук СССР. 1949. Т. 68. Вып. 4. С. 777–780.

в истории академии не было. Может быть, их не было и во всей Москве. Я понимал, что новый ректор академии мог возражать. Жорес Медведев, как ученик Жуковского, имел репутацию противника Лысенко. Во всяком случае он явно не «мичуринец». Нужно было всех ставить перед свершившимся фактом. Работа сделана, представлена — теперь решайте. Это как в спорте, перепрыгнул неожиданно атлет более высокую планку хоть один раз, уже не отнимешь. В одну секунду появляется новый чемпион.

Я оплатил перепечатку диссертации на машинке на хорошей бумаге. Получилось 260 страниц. Одновременно готовился к сдаче экзаменов по предметам «кандидатского минимума»: марксизм-ленинизм, английский и физиология растений. Я уже решил, что представлю диссертацию для защиты не на ученый совет факультета, а в Институт физиологии растений АН СССР. Директор этого института академик Николай Александрович Максимов был также заведующим кафедрой физиологии растений в ТСХА и хорошо меня знал. Он являлся другом Жуковского, и именно он представлял в «Доклады АН СССР» наши статьи. У него был давний спор с Лысенко о приоритете в формулировании теории стадийного развития растений. Максимов опубликовал свою версию теории на два года раньше, в 1927 г., но в «Трудах Всесоюзного института растениеводства» (он в то время работал в ВИРе, вместе с Н.И. Вавиловым). Лысенко опубликовал свою версию теории в газете «Правда».

Демократическая процедура открытых публичных защит диссертаций на ученых советах факультетов и научных институтов была унаследована в Советском Союзе от традиций императорской России. В других странах присуждение научных степеней происходит иначе, в узком кругу нескольких экспертов и главную роль играет профессор, под руководством которого данная работа выполнялась. «Российский» вариант позволял Институту физиологии растений АН СССР самостоятельно назначать оппонентов по диссертациям и присуждать степени кандидата и доктора наук тайным голосованием 13 членов своего ученого совета. Мой руководитель мог присутствовать, но участия в голосовании не принимал. Результаты голосования были окончательным решением. По кандидатским диссертациям в 1950 году не требовалось утверждения решений институтов Министерством высшего образования. Туда, в Высшую аттестационную комиссию, поступали на экспертизу лишь докторские диссертации.

Я хорошо знал тогда противников школы П.М. Жуковского. Это были декан факультета агрохимии проф. В.В. Вильямс и В.Н. Столетов. Школа академика В.Р. Вильямса, умершего в 1939 г. (В.В. был его сыном), состояла в непримиримом конфликте со школой академика Прянишникова почти 30 лет. Это был принципиальный конфликт о путях развития советского сельского хозяйства. Прянишников считал, что нужно идти по европейскому пути и расширять производство и применение минеральных удобрений. В.Р. Вильямс был против минеральных удобрений, разрушающих якобы структуру почвы, и пропагандировал «травопольную систему» земледелия и преобразование природы степей путем создания лесозащитных полос. В 1948 году на волне побед «мичуринской биологии», травопольная система была признана единственно правильной. Был принят «Сталинский план» преобразования природы и создания государственных лесных полос по всему югу СССР.

В.Н. Столетов в начале 1950 года уже не был ректором ТСХА. Его назначили заместителем министра сельского хозяйства СССР, а вскоре министром высшего образования СССР. Он теперь переводил все образование в стране на «мичуринские» позиции.

В марте 1950 года я защитил дипломную работу, сдал государственные экзамены по марксизму и английскому. Решением Государственной экзаменационной комиссии

от 10 марта мне была присвоена квалификация «ученый агроном» по специальности «Агрохимия и почвоведение». Но реальные дипломы выдавались лишь после определения места работы. Списки вакансий были вывешены в деканате. В конце марта я принес первый экземпляр рукописи диссертации П.М. Жуковскому. Он удивился, но был обрадован. Моя будущая судьба беспокоила и его. Рукопись он прочитал в течение нескольких дней и ничего не изменил. Он подписал представление на защиту в институт физиологии, и я отвез три экземпляра ученому секретарю института, который был расположен на юге Москвы. Работу приняли и поставили «в очередь». Защиту обещали осенью. Очередь дошла до меня только 1 декабря 1950 года. В этот день состоялась публичная защита с тайным голосованием. Решение «достойно» было единогласным. На следующий день я получил выписку из Протокола: «Решением Совета Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева от 1 декабря 1950 г. гражданину Медведеву Жоресу Александровичу присуждена ученая степень кандидата биологических наук».

Послесловие

В 1990 году, через 40 лет после этой защиты, «вновь я посетил тот уголок земли». Улица, на которой стоял корпус 17, старый и новый, была теперь улицей Прянишникова. В сквере перед корпусом стоял во весь рост бронзовый памятник Д.Н. Прянишникову. Возле нее — мемориальная доска в память о профессоре П.М. Жуковском, умершем в 1975 году в возрасте 87 лет. В сквере возле главного здания академии стоял бронзовый памятник В.Р. Вильямсу. На стене главного корпуса появилась еще одна мемориальная доска, самая большая — «Здесь в 1908–1911 годах учился великий советский ученый Николай Иванович Вавилов». Мой друг Борис Плешков, ставший профессором и деканом факультета агрохимии в 1965-м, умер несколькими годами позже. На посту декана в 1972 году его сменил Николай Панов, также профессор и академик ВАСХНИЛ. В 1990 году он был в добром здравии. Мы обнялись и начались воспоминания. Его секретарша вскоре принесла нам бутерброды с икрой и бутылку водки. Чтобы отметить такую встречу, чая было недостаточно...

A Dangerous Occupation

ZHORES MEDVEDEV

London, UK;
zhmedvedev@yahoo.co.uk

Authobiographical essay which covers period 1938–1950. It presents some episodes of Stalin's terror of 1937–1938 and of Great Patriotic War (1941–1945). Author gives some pictures of student life in 1944–1950, his meeting with T.D. Lysenko and the consequences of the ill-famous “August Session” of the Lenin Academy of agricultural sciences in 1948, which started long period of domination of pseudo science in Soviet biology.

Key words: Great Patriotic War, T.D. Lysenko, “August session”, biology.